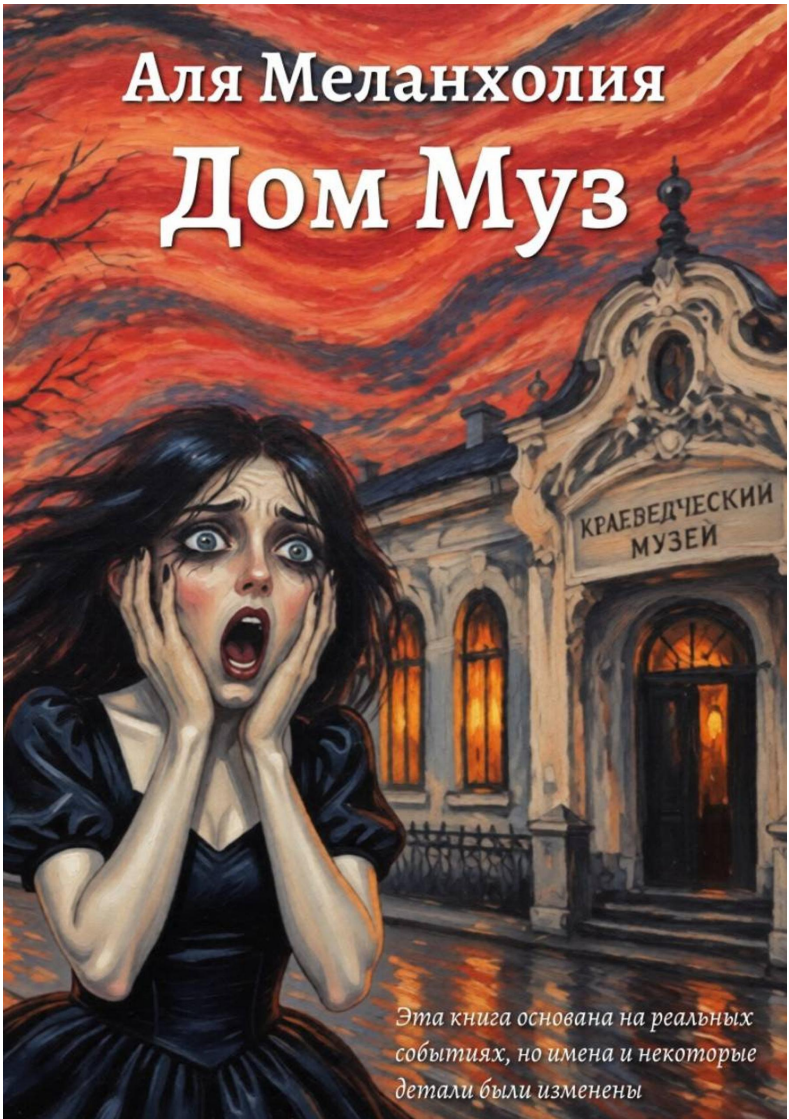
Аля Меланхолия

Дом Муз

Эта книга основана на реальных событиях, но имена и некоторые детали были изменены

Аля Меланхолия
Дом Муз

https://litres.ru/74860379
SelfPub; 2026

Аннотация

Девушка-гот Алина Малышева меньше всего похожа на типичного музейного работника. Но судьба заносит её именно туда – в краеведческий музей тихого провинциального городка. Алине предстоит узнать, что настоящая хтонь скрывается не на кладбищах, а в кулуарах местной культуры. Сможет ли она не сбежать в первый же месяц и выжить в «дружном» женском коллективе пенсионерок?

Содержание

ПЕРВАЯ ГЛАВА. КОЛЛЕКЦИОНЕР 4
ВТОРАЯ 21
ТРЕТЬЯ 40
Конец ознакомительного фрагмента. 57

Аля Меланхолия
Дом Муз

ПЕРВАЯ ГЛАВА. КОЛЛЕКЦИОНЕР ОТКАЗОВ

«– Чем объяснили лорды свой отказ?
– Это все делали по-разному – кто деликатно, кто напрямик, кто извинялся, кто обещал, кто попросту врал»
Джордж Р. Р. Мартин

I

Пожалуй, самая ненужная работа в России – это работа психолога. Мало того, что устроиться на должность психолога подобно полёту в космос, так ещё, психологи, которым это всё-таки удалось, делают свою работу крайне плохо. Мне посчастливилось получить профессию самого невостребованного специалиста. Мне же надо было максимально испытать чувство собственной ненужности в этом мире.

Получив диплом о высшем образовании, я отправилась в

чудеснейшее заведение – центр занятости населения, ожидая, что скоро начнется моя блестящая карьера психолога. Инспектор выписала мне три направления, но, когда я отправилась к выходу, нацарапала карандашом на маленьком клочке бумаги слова «экскурсовод», «музей», «пед. образование» и протянула его мне, сказав, вдруг пригодится на всякий случай.

Всего в двух кварталах от биржи труда находится Центр реабилитации для детей с ограниченными возможностями здоровья. Я решила начать именно с него – это было первое место в моём списке вакансий. Я шла по аллее на улице Пушкинской, никуда не торопясь, наслаждаясь теплом августовского солнца. В наушниках тягуче разливался готик-рок от This Ascension, и этот меланхоличный плейлист странным образом гармонировал с моими мыслями о предстоящем собеседовании.

Для моей мамы работа в этом центре была чуть ли не высшей точкой карьеры психолога в нашем маленьком городке. Она гордилась бы тем, что я попала туда. А меня одолевали сомнения, одно дело – теория из учебников, и совсем другое – реальная работа с детьми-инвалидами. Я задавала себе вопрос, готова ли я к этому эмоционально?

Прошло больше десяти лет с того момента, как я искала работу психологом. Сегодня я уже с трудом могу восстановить в памяти реабилитационный центр. Я пытаюсь вспомнить лицо той специалистки, к которой меня отправили, но

всё тщетно. Тем не менее, именно она рассеяла все мои сомнения относительно работы с особенными детьми.

– Педагог-психолог? – переспросила она, глядя в мой диплом. – Нам нужен специальный психолог.

– Я изучала специальную психологию. В приложении к диплому можно посмотреть количество часов, – ответила я.

– К сожалению, не можем предложить вам эту работу, нам нужно, чтобы специальность по диплому соответствовала занимаемой должности, – с лёгкой ноткой сожаления сказала моя несостоявшаяся коллега.

Я попросила её сделать отметку об отсутствии вакансии в бланке направления на работу и на этой ноте мы тепло попрощались.

Оттуда я сразу пошла в детский дом – там была вторая вакансия в моём списке. Детский дом находился в двух километрах от центра, около получаса пешком. Но с музыкой в наушниках время пролетает незаметно, и дорога кажется совсем короткой.

Я вышла на центральную городскую площадь, залитую тёплым солнечным светом. В двух кварталах от неё расположился оживлённый рынок. Я быстро промчалась мимо палаток, где продавалось огромное разнообразие школьных принадлежностей – от ярких тетрадей и канцелярских наборов до рюкзаков. До начала учебного года оставалось чуть меньше месяца, и у этих палаток толпились покупатели, спешащие подготовиться к новому учебному сезону.

Я вышла на дорожку, которая тянулась вдоль парка. Этот парк – настоящая городская легенда. О нём ходило столько историй! Чаще всего это были городские байки про маньяков и наркоманов, которые якобы прятались среди деревьев. Но, несмотря на все эти страшилки, он мне нравился. В парке росли старые, раскидистые деревья, местами настолько густые, что казалось, будто находишься в миниатюрном лесу. В тени их ветвей было тихо и спокойно, и именно это ощущение уединения привлекало меня больше всего.

Музыка в плейере сменилась, зазвучали мрачные, проникновенные песни итальянской готик-группы Violet Tears. Их глубокие мелодии словно окутывали тенью, создавая атмосферу какой-то лёгкой тревоги. Самое время для такой музыки – я направилась к подземному переходу. Это место всегда казалось мне жутким. В подземном переходе всегда царил полумрак, а воздух был пропитан затхлым запахом сырости и заброшенности. Каждый мой шаг отдавался эхом, я шла быстро, чтобы скорее выбраться на свет.

Миновав подземный переход, я очутилась в фабричном посёлке. Когда-то здесь была какая-то фабрика, а в посёлке жили её рабочие. Сейчас этот район населяют их потомки.

В студенческие годы мне доводилось два раза бывать в детском доме. С группой других студенток я участвовала в новогоднем представлении для детей-сирот. Спустя пять лет я плохо помнила дорогу, ведущую в детский дом, в результате чего заблудилась. Я до сих пор не знаю, как называются

улицы фабричного посёлка. В какой-то момент я пропустила поворот направо, за которым находится детский дом. Вместо того чтобы свернуть, я пошла прямо, пока частные дома не сменились промышленными зданиями за высокими бетонными заборами. Дойдя до пересечения с какой-то большой нежилой улицей, я остановилась, развернулась и пошла обратно, пытаясь найти нужный поворот.

Детский дом спрятался за частными домами, утопающими в зелени деревьев. Дома там были старые, мрачноватые, само место казалось каким-то заброшенным.

Детский дом размещался в небольшом двухэтажном здании, сложенном из белого кирпича. Его территория была огорожена забором с решётчатой калиткой. На крыльце стояла сотрудница детдома, высокая, стройная, темноволосая девушка чуть старше меня. Она сказала мне, что директора нет на месте, и попросила подойти завтра.

Подойдите завтра! И ради этого я проделала такой путь!

Что ж, хоть дорогу теперь знаю. Предстояло снова спуститься в подземный переход, это неприятнее, чем блуждать по промзоне.

Когда я училась в институте, я часто переходила дорогу через подземный переход на Площади 200-летия в Ставрополе. Та подземка всегда была многолюдна, с обеих сторон у стен стояли торговые лавки со всякой всячиной. Однажды в одной из тех торговых точек я купила дешёвую версию духов

Hypnôse от Lancôme. Будучи студенткой о настоящем «Гипнозе» я могла только мечтать, поэтому радовалась тому, что имела.

Но этот же подземный переход меня пугал. Я снова прошла через него самым быстрым шагом, быстрее только бег. Выбравшись из подземелья, я вышла к автовокзалу. Оттуда как раз отправлялся автобус, на котором я уехала к маме.

За чашкой чая я рассказала маме о своих похождениях. Как я и предполагала, она долго сокрушалась, что меня не взяли в реабилитационный центр. Я же её успокаивала, что у меня есть ещё два направления, куда-нибудь обязательно возьмут.

II

Я приехала в город на утренней электричке. На часах было семь, город только-только начинал просыпаться. Где-то вдалеке шумели первые маршрутки и автомобили, а воздух наполнился тем особым, ещё свежим утренним гулом.

До начала рабочего дня в гимназии – третьем месте, где была вакансия психолога, – оставалось еще прилично. Чтобы не слоняться без дела по пустым улицам, я решила скоротать время на вокзале. В зале ожидания как всегда было людно, пахло влажным свежевымытым полом.

Я выбрала самую дальнюю лавочку, спрятавшись в углу. Она стояла спинкой к входным дверям, так что весь зал оставался у меня за спиной, а перед глазами было лишь неболь-

шое бистро. Рядом с ним, слева от входной двери, стоял огромный аквариум.

Я засмотрелась на него и замерла. Внутри плавала какая-то странная, совершенно неведомая мне рыбина. Назвать её «рыбкой» язык не поворачивался, она была внушительных размеров, гораздо больше тех декоративных обитателей, к которым мы привыкли в домашних аквариумах.

Как я потом узнала, это был огромный парчовый сом. Его темно-коричневая чешуя была испещрена золотисто-желтым сетчатым узором, напоминающим шкуру леопарда. Внезапно сом шевельнулся, и над его спиной взметнулся плавник. Рыба плавно скользнула по стеклу, демонстрируя свой рот-присоску. Этот рот с короткими толстыми усиками по углам методично соскабливал налёт, оставляя за собой идеально чистый след.

Я подошла к аквариуму, чтобы поближе рассмотреть его обитателя. Его крошечные, глубоко посаженные глаза смотрели на мир вокруг с каким-то философским спокойствием, словно он знал тайны, недоступные нам, сухопутным существам.

Пришла хозяйка бистро, она то мне и сказала, что этот подводный житель – парчовый сом. Раньше я думала, что сомы водятся в реках, озёрах, в природных водоёмах, никак не в аквариуме.

Я вернулась на лавочку и достала телефон, чтобы почитать книгу. Я из тех людей, которые любят бумажные кни-

ги, я люблю перелистывать страницы, чувствовать их фактуру и, конечно, вдыхать этот ни с чем несравнимый запах типографской краски. Но порой электронные книги – это спасение. Сколько раз они выручали меня, когда становилось скучно или когда я оказывалась в компании, где мне было откровенно неинтересно. Они стали моим «тайным убежищем», которое позволяло сбежать в другие миры, даже когда физически я была вынуждена оставаться на месте.

Я открыла онлайн-библиотеку, там было собрание книг Дина Кунца, в электричке я начала читать его книгу «Живущий в ночи», решила продолжить, пока сидела в зале ожидания. Я погрузилась в мир Кристофера Сноу, страдающего редким заболеванием, из-за которого он вынужден прятаться от света.

На вокзале стоял привычный гул, диктор, не замолкая, объявлял рейсы. Читать в такой обстановке было тем ещё испытанием, но зато я не теряла счёт времени. Как только объявили отправление автобуса на Ставрополь в 8:05, я закрыла книгу. Гимназия уже открылась, пора было идти на маршрутку.

Я вдруг осознала – я не знаю, где мне выходить. В военном городке я никогда не была, и гимназия для меня просто точка на карте. Ну, допустим, водитель высадит меня там, где нужно. А дальше? Куда идти?

Я уставилась на аквариум, сом плавал почти на самом дне, прикасаясь плавниками к камешкам. Он казался таким без-

мятежным, жил в своей собственной вселенной, его не беспокоил гул вокзала, суета возле кассы, люди, посещающие бистро, и я, сидящая на лавочке напротив. Я вспомнила, что военный городок хорошо знает один из моих друзей по переписке в «аське».

III

В 2011-м ICQ уже доживала свои последние дни. Все потихоньку перебирались в соцсети, но я по привычке держала «аську» включённой. Тем летом в мой список контактов постучался JACK.

Я была чем-то занята, не ответила сразу. Его сообщение висело непрочитанным, и он написал ещё одно. Меня впечатлил его вопрос «Не хочешь общаться?». В нём не было ни обиды, ни пассивной агрессии, он спросил смело и прямо о моём желании. Я не смогла проигнорировать его сообщение снова.

JACK 17:13: Привет
JACK 17:44: Не хочешь общаться?
GOTHLADY 17:52: Привет! Хочу. Я была занята.
GOTHLADY 17:53: Как тебя зовут?
JACK 17:54: Женя
GOTHLADY 17:55: А меня Алина.

Мы быстро подружились, нам было легко вместе, мы могли часами болтать и смеяться над всякими глупостями. Женя никогда не давал мне грустить. Любую проблему он ма-

стерски превращал в шутку, и в итоге мы оба смеялись над тем, из-за чего я только что переживала.

Общаясь в «аське», внешность и голос собеседника часто оставались загадкой. Вместо фотографии на аватарке Жени красовался рыжий кот, я долго не знала, как он выглядит. Могла только представить по тому описанию, которое он дал в первые дни переписки. Что-то похожее бывает, когда читаешь книгу и представляешь её персонажей.

Спустя полгода я услышала его голос. Однажды вечером он прислал MP3-файл и просил оценить. Это была одна из песен группы «Кино» в его исполнении. Я скачала файл на ноутбук и включила его. Первые аккорды гитары сменились его голосом – низким, ровным, в нём слышалась спокойная уверенность, которая цепляет с первой секунды. Он не пытался копировать Цоя или брать сложные ноты, просто пел легко и искренне. Человек по ту сторону сети в одну секунду перестал быть просто текстом, он стал живым, осязаемым, и от его голоса внутри разливалось какое-то странное тепло.

Когда трек закончился, в комнате снова стало тихо, лишь слегка шумел кулер ноутбука. Я не ответила ему сразу, просто нажала на повтор в плеере. Окно диалога в «аське» всё это время терпеливо висело внизу экрана, но слова почему-то не шли. Я набрала одну фразу, стёрла, снова набрала, снова стёрла, и наконец, написала: «У тебя красивый голос».

Прошло почти пятнадцать лет, но я по-прежнему считаю, что у него красивый голос. Кнопочные телефоны были вы-

теснены смартфонами, которые часто сменяли друг друга, но в моём плеере до сих пор есть папка с песнями, которые он когда-то прислал. Иногда я их слушаю, и его голос возвращает меня в то время, когда мы болтали ни о чём до поздней ночи.

IV

Диктор снова объявил об отправлении автобуса на Ставрополь. Я открыла «аську» и спросила у Жени, на какой остановке нужно выйти в военном городке и как добраться до гимназии. Он написал, на какой остановке мне выйти и пообещал встретить меня. Я очень удивилась, что он вот так спонтанно может пойти на остановку, чтобы встретить девушку, с которой общался только в Интернете.

Дорога в военный городок казалась бесконечной, наконец, маршрутка доехала до последней остановки военного городка. На остановке меня ждал Женя. Передо мной стоял тот самый парень из «аськи», образ которого до этого складывался лишь из строчек на экране и его песен. Живой, настоящий, он казался удивительно знакомым, словно мы знали друг друга всю жизнь.

Атмосфера военного городка никак не вязалась с нашей встречей, и это сразу стало поводом для смеха. Мы шли по асфальтовой дорожке и сочиняли абсурдные сценарии моей будущей работы. Он шутил, что вместо уютного кресла на консультациях будут стоять армейские табуретки, чтобы

офицерские дети не расслаблялись.

Когда мы дошли до ворот, Женя остановился, прислонившись к холодной металлической решётке и закурил. Он остался ждать снаружи, а я отправилась на собеседование. Прямо у входа в гимназию находится уголок охранника, он объяснил мне, как пройти в приёмную.

Приёмной называли малюсенький кабинет секретаря, в котором уже втроём было тесно. Секретарь, женщина средних лет, предложила мне подождать директора в её кабинете и продолжила беседу с одной из преподавательниц гимназии. Они бурно обсуждали своих детей, мужей, какие-то блюда, в общем, все те скучные темы женских бесед, которые я ненавижу.

Я сидела напротив двери в кабинет директора, об этом сигнализировала табличка, аккуратно прикреплённая на ней. Туда прошла уже немолодая женщина с обесцвеченным каре, ни на кого не глядя, она сухо поздоровалась и скрылась в своём кабинете. Секретарь и учительница продолжили беседу, они обсуждали рецепт фаршированных перцев. Мне хотелось сбежать оттуда, вырваться на свет к ожидающему меня Жене.

В какой-то момент секретарь вспомнила о моём существовании и прошла в кабинет директора, видимо, чтобы сообщить обо мне, затем предложила мне пройти и вернулась к собеседнице.

Кабинет директора был раза в три больше приёмной, но

из-за скудного освещения казался неуютным и даже гнетущим. Директор гимназии сидела в самом конце комнаты, у окна, за массивным столом, к которому примыкал длинный стол для совещаний.

Когда я вошла и поздоровалась, в ответ прозвучало почти приказное:

– Садитесь.

Я старалась держаться уверенно.

– Я по поводу вакансии психолога, – сказала я, протягивая диплом.

Директор даже не взглянула на документ. Она окинула меня холодным, оценивающим взглядом сверху вниз, и отрезала:

– Опыт есть?

– Нет, я недавно окончила институт, но год работала в школе.

– Мне не нужны бумажки, мне нужен опыт! – её голос стал громче и резче.

Я поняла, что разговор окончен. Попросила лишь поставить отметку в направлении, на что она с явным пренебрежением отправила меня к секретарю. Выйдя обратно, мне пришлось прервать «важный» разговор секретаря и учительницы. Пока секретарь нехотя возилась с печатью, я разглядывала грамоты на стенах, а учительница буравила меня таким взглядом, будто я провинившаяся ученица.

Выйдя на улицу, я вдохнула свежий воздух с огромным

облегчением. Это место оставило тяжелый осадок. Отказ – это нормально, но зачем было вести себя так, будто я человек второго сорта?

У забора меня ждал Женя. Если бы не он, я бы, наверное, расстроилась, а так мы всю дорогу до остановки смеялись над чопорностью директора и нелепостью этой гимназии. На остановке мы попрощались, он ушёл на работу, а я отправилась в детский дом.

V

Маршрутка мерно покачивалась, увозя меня всё дальше от военного городка. За стеклом мелькали бесконечные ряды типовых домов, строгие линии плаца и застывшие в вечном карауле гранитные памятники тем, кто не вернулся с войны.

Когда мы проскочили КПП и свернули на трассу, в приоткрытое окно пахнул тяжёлый, затхлый воздух, идущий от озера. Его не зря называли болотом, вода в нём всегда казалась мутной. И всё же, если присмотреться, в ней отражалась такая пронзительная синева неба, что на мгновение озеро казалось почти сказочным. Где-то у самого берега, в камышах, лениво перебирали лапками дикие утки, не обращая внимания на шум дороги.

Мало кто помнит, что когда-то это озеро было притоком быстрой песчаной реки, спустившейся с самих гор. Люди вмешались, превратив живой поток в стоячую заводь. Теперь же озеро живёт своей мифической жизнью. Главная легенда,

которую здесь передают из поколения в поколение, посвящена золотой карете, якобы покоящейся на самом дне. Говорят, в советское время даже снаряжали экспедиции, чтобы найти драгоценный металл в иле, но озеро своих тайн не выдало. Да и нужно ли их искать? Мне кажется, что эта легенда – единственное, что делает это место хоть немного живым.

Маршрутка промчалась мимо многоэтажек, частных домов, магазинов, торговых палаток и оказалась на конечной остановке – автовокзале. Оттуда я отправилась в детский дом, всё тем же путём через подземный переход и фабричный посёлок.

Подземный переход, который ещё вчера казался мне мрачным и пугающим, уже не пугал меня. Я шла по нему, не замечая ни сырости, ни гулкого эха собственных шагов. Погрузившись в свои мысли, я незаметно дошла до детского дома. Я заметила забавное сходство – детский дом, как и гимназия, находился за забором-решёткой. Войдя во двор, я встретила двух женщин, одна из них любезно проводила меня к директору, когда я рассказала о цели своего визита.

– Сколько вам лет? – спросила директор детдома, симпатичная темноволосая женщина примерно сорока лет.

– Двадцать три, – ответила я, держа в руках диплом в надежде, что она захочет взглянуть на него.

– Вы ещё слишком молоды. Нам нужен специалист постарше.

Очередной отказ, ещё одна печать на бланке направления.

Мне казалось, что двадцать три – это много, вообще после двадцати мне казалось, что мне очень много лет, что я уже много живу. А мне говорят, что я слишком молодая, чтобы работать психологом. Интересно, а кем можно работать в двадцать три?

Самое парадоксальное в поиске первой работы психологом – требование опыта. «Нам нужен специалист с опытом» – говорят работодатели. Но откуда взяться опыту, если тебя никуда не берут без этого самого опыта и если ты «слишком молодой»? Это какой-то замкнутый круг.

Я вернулась на автовокзал, заняла ту же лавочку напротив аквариума. На вокзале всё было неизменным, спешащие на свои рейсы пассажиры, диктор, постоянно делающий объявления, шум, гул, а сом в аквариуме спокойно лежал на дне, всем своим видом говорил: «Я не с вами».

До моего рейса оставалось более двух часов, я решила аккуратно сложить в папке документы, оказавшиеся ненужными потенциальным работодателям. Я вытащила всё из папки и положила на лавочку, к счастью, я одна занимала её, места было много. Первой в папку отправилась копия заявления из центра занятости.

Вслед за ней я убрала диплом о высшем образовании – мамина гордость. Она искренне верила, что, имея высшее образование, человеку открываются все двери, его берут на любую работу и платят хорошую зарплату. На деле оказалось совсем не так, в лучшем случае изобразят сожаление и отка-

жут, в худшем – попытаются унизить, опустить ниже плинтуса, растереть в порошок, как директор гимназии.

Бланк направления *Куда его положить? В диплом или в файл с заявлением?* Я достала файл. В самом низу файла с заявлением лежала та самая бумажка, на которой написано «экскурсовод», «музей», «пед. образование». Я аккуратно положила бланк направления в файл и достала эту бумажку.

ВТОРАЯ ГЛАВА. ПОВОРОТ НЕ ТУДА

«С тобой ничего не случится, пока ты идёшь по верному пути. Неприятности происходят лишь тогда, когда ты сворачиваешь с него»

Мацуо Монро

I

Близился полдень, солнце уже припекало, заставляя искать спасительную прохладу в тени деревьев. В плеере играл Requiem – мой любимый альбом группы Mantus. Он пропитан темами бренности бытия, поиска смысла жизни и неизбежности финала. Его музыка заставляет почувствовать себя наблюдателем, изолированным от внешнего мира. Ему больше подошла бы пасмурная погода поздней осени или зимы, а не жаркий летний день. Но в тот момент он гармонировал с моим настроением.

Я неспешно шла в сторону краеведческого музея, пытаясь, вспомнить его залы. Впервые я оказалась в местном му-

зее ещё студенткой. Мы с однокурсницами решили отметить 8 Марта походом на выставку восковых фигур, привезённых из Санкт-Петербурга. В памяти застыли только две фигуры – граф Дракула и Гитлер, с которыми я тогда сфотографировалась.

Второй визит случился уже через три месяца, но уже по принуждению. Нас привела туда руководительница полевой практики, чтобы показать постоянную экспозицию. Из долгого рассказа экскурсовода остались лишь смутные воспоминания о Золотой Орде и загадочной денежной комнате. Я была больше увлечена студенческой жизнью, чем историей или краеведением.

Если бы в тот момент мои школьные учителя истории узнали, что я намереваюсь устроиться на работу в музей, они бы решили, что это какая-то неудачная шутка.

Мои отношения с историей со школьных лет были сложными, это был один из моих нелюбимых предметов. До девятого класса мне «натягивали» четвёрку, а в аттестате за одиннадцатый класс по истории красуется твёрдая тройка. В институте ситуация улучшилась, я даже почти дотянула до пятёрки, но интерес к истории был чисто формальным, это больше было стремление потешить самолюбие хорошей оценкой.

В детстве я часто примеряла на себя разные роли. Я видела себя художницей, я представляла, что мои картины выставляются в огромных светлых галереях. Позже я мечтала

стать писателем и иллюстратором, как Владимир Сутеев. Его рисунки завораживали меня больше, чем сами сказки. В подростковом возрасте я представляла себя дизайнером одежды, создающим что-то уникальное, рисовала и шила наряды кукле.

Когда пришло время выбирать профессию, мама настаивала на педагогической деятельности, считая мои творческие порывы чем-то несерьёзным, временным, не подходящим для взрослой жизни. Я выбрала психологию, мне казалось, что в ней есть что-то схожее с моими подростковыми увлечениями нумерологией и антропонимикой.

История тогда казалась мне чем-то бесконечно далёким и скучным, за пределами моих интересов. Ирония судьбы в том, что именно к ней я в итоге и пришла.

II

Здание музея расположилось на одной из центральных улиц города. Густые кроны старых деревьев бережно укрывают его фасад от городского шума и палящего солнца. В этой прохладной тени время словно замедляет свой бег, приглашая прохожих заглянуть внутрь и оставить суету шумного центра за порогом.

Я вошла в музей и сразу почувствовала приятную прохладу, которая окутывала фойе. Слева от ступенек на деревянной решётке, выкрашенной зелёной краской, висели детские рисунки – работы детей-инвалидов из реабилитационного

центра, в который меня не взяли на работу. Эти яркие, искренние, по-детски наивные рисунки наполняли теплом это слабо освещённое пространство. Напротив висела большая картина с видом на озеро, на дне которого покоится золотая карета. Эта работа принадлежала местному художнику, дедушке одной из моих бывших коллег по школе. Как удивительно тесен мир или этот маленький городок.

Из фойе я шагнула в небольшой холл. Когда-то здесь продавали билеты на выставку восковых фигур, теперь же стену заняли портреты самых достойных горожан. С большого стенда на меня смотрели «Почётные граждане», безмолвно напоминая о том, как много они сделали для города.

По обеим сторонам холла две двери. Правая была заперта, за ней исторические залы, в которых проводили позабытую мной экскурсию. Левое крыло гостеприимно распахнуло свои двери, приглашая меня войти, что я и сделала.

Это был большой выставочный зал, именно там когда-то проходила выставка восковых фигур. Он почти не изменился, только вместо восковых исторических деятелей, музыкантов, актёров и политиков в зале были представлены картины, посвящённые двухсотлетию Бородинского сражения.

В центре зала над ведром с грязной водой склонилась женщина. Её светлые волосы, сухие и безжизненные, напоминали солому, лицо, испещрённое глубокими морщинами, выдавали в ней усталость. Одета она была нелепо, в синие джинсы и голубую футболку с наивным белым котёнком. Я

подумала, что она донашивает вещи своей внучки-подростка. Она выжимала серую тряпку над ведром, а рядом у стены стояла швабра, я поняла, что застала её за уборкой. В её детском наряде и в том, что на пенсии ей приходится подрабатывать уборщицей, читалась тяжёлая жизнь, казалось, что ей приходится очень нелегко. Мне стало её жалко.

– Здравствуйте! С кем я могу поговорить о вакансии экскурсовода? – обратилась к ней я.

Женщина ответила приветствием, наматывая тряпку на швабру.

– Директор сейчас на обеде, подойдите после часа, – спокойным тоном сказала она, оценивающе разглядывая меня.

– Спасибо. Подойду после часа, – сохраняя доброжелательность в голосе, ответила я и направилась к выходу, – До свидания.

Она не выходила у меня из головы. Это странное сочетание глубоких морщин и наряда двенадцатилетней девочки создавало какой-то диссонанс. Казалось, судьба к ней несправедлива. Но стоило мне выйти на улицу, как знойный воздух мгновенно выжег эти мысли из головы. Я даже не заметила, как забыла о ней. Хотелось поскорее добраться до улицы Пушкинской. Я уже предвкушала, как сяду на лавочку в тени акаций, открою в телефоне книгу «Живущий в ночи» и спрячусь от этого мира, погружаясь в тёмные миры Кристофера Сноу.

III

Как и обещала, я вернулась в музей сразу после часа дня. В выставочном зале, справа от входа за столом сидела женщина на вид чуть старше пятидесяти, с открытым и добродушным лицом – музейный смотритель Людмила Ивановна. Она проводила меня к директору.

Я не видела молодых специалистов в музее, все, кого мне довелось повидать в этот день, были уже пенсионерки. Невольно мелькнула мысль, что и в музее мне откажут из-за возраста. Честно говоря, работа в музее никогда не была пределом моих мечтаний, так что отказ не стал бы трагедией.

Директором музея была женщина с приятной внешностью – Ирина Васильевна Веснина. Даже в свои годы она сохранила ту особую стать и шарм, которые заставляют оборачиваться вслед. Высокая, с длинными тёмными волосами и глубоким взглядом карих глаз, она выглядела как сошедшая с экрана кинозвезда, случайно оказавшаяся в маленьком провинциальном музее. В её облике было столько достоинства и природного магнетизма, что маленький кабинет казался для неё случайным местом. В её манере речи было столько такта, глубины и какой-то особой, почти забытой сегодня интеллигентности, что слушать её хотелось бесконечно.

– Работа лектора-экскурсовода – это искусство превращать музейные залы в живое пространство диалога, не просто пересказывать факты, а погружать посетителей в контекст эпохи. Необходимо работать как со стационарными

экспозициями, так и со сменными выставками, каждый раз выстраивая уникальный маршрут для каждой возрастной группы. – Ирина Васильевна рассказывала о моей потенциальной работе, а я почему-то пыталась вспомнить ту экскурсию, на которой была в студенческие годы. – У вас есть опыт работы с большой аудиторией?

– Я работала в детских лагерях Подмосковья и в лицее, проводила конкурсы, командные игры и праздники, – рассказала я о том небольшом опыте работы, который у меня имелся.

– Лектор-экскурсовод также выступает в роли педагога, проводит музейные уроки и тематические программы, – продолжила Ирина Васильевна – помогает детям любого возраста по-новому взглянуть на музейные экспонаты.

– Эта работа очень похожа на ту, которая у меня была в детских лагерях и лицее, но со своей особенной спецификой, – сказала я, вспоминая период работы вожатой и педагогом-организатором.

– Хорошо, что у вас педагогическое образование и опыт работы с детьми. Основная категория наших посетителей – это дети школьного возраста, – сказала Ирина Васильевна, она поправила прядь волос и продолжила – На эту должность приходила женщина. Она должна сегодня позвонить. Я вам позвоню вечером, если она откажется от этой работы.

Вечером Ирина Васильевна позвонила и сообщила, что берёт меня на работу. Я была уверена, что музей – времен-

ное пристанище. «На первое время пойдёт» – думала я.

IV

Я пришла в музей ровно к девяти, как мы и договаривались. Ирина Васильевна сразу проводила меня в кабинет специалистов. Он в два раза больше её кабинета, но при этом неуютный, бестолково и безвкусно весь заставленный тяжёлыми шкафами и столами.

Прямо напротив входа тускло белело старое деревянное окно, краска на нём давно пожелтела и потрескалась. За стеклом глухая стена соседнего здания, и в кабинет пробивался лишь скудный луч света, хорошо, если через четверть оконного проема.

Глядя на это унылое окно, я вдруг поймала себя на ассоциации с полуподвалом Мастера из булгаковского романа. Там окна тоже выходили почти в уровень земли, и жильцы видели только чужие ноги, спешащие по тротуару. Кабинет специалистов находился не под землей, но из-за глухой стены близко пристроенного здания возникало то же давящее чувство оторванности от мира.

Справа от окна в углу примостился компьютерный стол с надстройкой, на верхней полке которой притаился принтер. Вплотную к нему примыкал письменный стол, заставленный рабочими папками, а ближе к выходу высился платяной шкаф.

Слева от окна картина была иной. Там стоял письмен-

ный стол с громоздким «пузатым» монитором, клавиатурой и мышкой – настоящий привет из прошлого. Чуть поодаль, по школьному принципу «ряд за рядом», располагался второй, точно такой же стол, но уже с более современным плоским монитором.

За этим вторым столом сидела женщина с коротко стриженными черными волосами. На ней было яркое шифоновое платье, цвета которого перетекали друг в друга, создавая эффект радуги. В 2012 году к радуге относились куда спокойнее, чем сейчас, поэтому в этом платье она чувствовала себя уверенно, не опасаясь осуждающих взглядов прохожих.

Чуть дальше, у стены, примостились два серых квадратных стола. Стол, который был ближе к женщине в ярком платье, пустовал, а на соседнем столе стояли плоский монитор и сканер. В самом дальнем углу расположилось рабочее место посерьёзнее. Более современный компьютерный стол с компьютерной техникой современнее остальной. За ним сидела та самая женщина, что ещё вчера мыла полы в выставочном зале. Сегодня она была в строгом тёмно-синем брючном костюме. Этот наряд куда лучше соответствовал её возрасту и офисной роли.

– Здравствуйте! – поздоровалась я с будущими коллегами, они поздоровались в ответ.

– Это Алина, наш новый лектор-экскурсовод, – представила меня коллективу Ирина Васильевна, и обратилась к женщине в ярком платье – Елена Леопольдовна, оформите

приказ к десяти часам, я отпросилась у Ольги Ивановны, я ухожу, и завтра буду в отгуле.

– Хорошо, – ответила Елена Леопольдовна, не сводя с меня глаз.

Женщина в синем костюме тоже смотрела на меня. Казалось, они не ожидали, что кто-то придёт в музей на эту должность. Или им не нравился мой внешний вид. Хотя я постаралась скрыть свою принадлежность к неформальной культуре. На мне была чёрная рубашка с вертикальными атласными полосками и чёрная атласная юбка, никаких цепей, браслетов с шипами, сетчатых перчаток, подвесок с крестами и черепами не было, это всё осталось дома.

– Сходи в «Кантовары», купи карточку Т2 и листок для личного дела – сказала мне Елена Леопольдовна и обратилась с каким-то вопросом к Ирине Васильевне.

В кабинете специалистов я чувствовала себя как не в своей тарелке, там царила какая-то давящая атмосфера, от которой хотелось сбежать при первой же возможности. Когда меня отправили в «Кантовары», я с облегчением выдохнула.

Магазин канцтоваров нашёлся быстро, он расположен как раз через дорогу, по диагонали от музея. Для меня было сюрпризом, что для оформления на работу я должна сама купить какие-то бланки и карточки. За время работы на разных местах я с таким сталкиваюсь впервые, обычно работодатель сам обеспечивает сотрудников всем необходимым, а не отправляет их в магазин за свой счёт. Как оказалось, в

музее свои правила.

Я купила нужные бланки и, стоя у входной двери в музей, поняла, что не хочу туда идти. В тот момент хотелось просто исчезнуть, раствориться в воздухе, не существовать вовсе, только бы не идти в это змеиное гнездо.

Из этих размышлений меня вырвало сообщение Жени, пришедшее в «аську». Я ему написала, что устраиваюсь на работу в музей. Конечно же, это стало поводом для смеха. Но больше шуток было в адрес моих будущих коллег, которых он назвал артефактами.

Переписка с Женей немного подняла настроение, хоть она и была короткой и ни о чём. Я вернулась в кабинет специалистов, подошла к Елене Леопольдовне, протянула ей свои документы и бланки:

– Посмотрите, пожалуйста, правильные бланки я купила.

– Да, – сказала она, – бери стул, садись рядом.

Я села рядом с ней, она протянула мне ручку и лист бумаги, чем-то похожий на газету, тонкий, пожелтевший. Никогда не видела такую бумагу.

– Пиши свою автобиографию, – сказала она и принялась печатать приказ и трудовой договор.

К двадцати трём годам не так много писать, я перечислила места учёбы и бывшие места работы, которые я успешно совмещала с учёбой. Я подняла глаза и невольно посмотрела в монитор. В трудовом договоре Елена Леопольдовна указала, что я 1955 года рождения. Меня это немножко разозлило.

– Я родилась в 1989 году, а у вас написан 1955 год. – Я не смогла не выразить своё недовольство.

– Ой, это я так скопировала, – слегка растерявшись, сказала Елена Леопольдовна, исправила и медленно одним пальцем продолжила печатать.

– Я уже написала автобиографию. Куда положить?

– Пусть пока здесь полежит.

Она печатала мучительно медленно. Я сидела рядом, глядя на её пальцы, и мне казалось, что время в кабинете просто застыло. Весь её стол был погребён под горами папок с личными делами, бумажный хаос, в котором, казалось, невозможно было найти хоть что-то осмысленное.

В музее, кроме нас, было ещё трое. Ирина Васильевна, директор, Людмила Ивановна – добродушный музейный смотритель, и Раиса Борисовна – главный бухгалтер. Последняя была для меня главной загадкой. Ещё вчера она, облачённая в нелепые детские вещи, с каким-то странным усердием намывала полы. Почему она это делала, оставалось тайной, покрытой мраком.

Что касается Елены Леопольдовны, той самой женщины за столом, то я не сразу поняла, кто она такая. Сначала решила, что она кадровик, уж больно много бумаг проходило через её руки, но позже открылась истина.

Мне стало скучно, я достала телефон и написала Жене.

GOTHLADY 09:47: Один из артефактов очень долго печатает приказ и трудовой договор. Ей сказали сделать всё до

десяти. Кажется, она не успеет.

JACK09:48: Как тебя туда занесло?

GOTHLADY 09:48: Я для психолога слишком молода :-D

JACK 09:49: Ага, музей самое то XD

GOTHLADY 09:50: Она напечатала мне 1955 год рождения!

JACK 09:50: Хорошо сохранилась XD

GOTHLADY 09:51: Я в шоке

JACK 09:51: Кем устроилась?

GOTHLADY 09:52: Экскурсоводом буду

GOTHLADY 09:52: Если она когда-нибудь допечатает

JACK 09:53: XD

JACK 09:53: Я давно не был в музее

JACK 09:54: Там ещё есть зал Золотой Орды?

GOTHLADY 09:54: Не знаю, я пока познакомилась только с кабинетными древностями

JACK 09:54: XD

В кабинет вошла Ирина Васильевна, я отвлеклась от переписки.

– Елена Леопольдовна, вам ещё много печатать?

– Немного осталось, – ответила она, повернулась ко мне и с важным видом спросила – Написала автобиографию?

– Да, – сказала я, меня очень удивил её вопрос, ведь я ей сказала об этом двадцать минут назад, тогда я не поняла, что это напускная важность, которую здесь любили демонстрировать в присутствии директора.

Ирина Васильевна подошла к Раисе Борисовне, они обсуждали оплату каких-то счетов, я не стала прислушиваться, не люблю слушать чужие разговоры. Я вернулась к переписке с Женей.

GOTHLADY 10:04: Здесь очень странные люди, кадровик долго печатает документы. ОДНИМ ПАЛЬЦЕМ! Главбух вчера мыла полы в выставочном зале. У меня ощущение, что я пришла не в музей, а в психушку.

JACK 10:06: XD

JACK 10:06: Надо как-нибудь заглянуть к тебе, посмотреть зал Золотой Орды

GOTHLADY 10:07: Приходи! Хоть с кем-то адекватным пообщаюсь

GOTHLADY 10:08: Директор и смотритель адекватные, а в кабинете какие-то странные

JACK 10:09: Директор симпатичный? XD

GOTHLADY 10:10: Директор – женщина пенсионного возраста, но симпатичная. Решил подкатить? :- D

JACK 10:12: Думал, что тебе приглянулся XD

GOTHLADY 10:13: Здесь одни пенсионерки

GOTHLADY 10:13: И я

JACK 10:14: Новый экспонат XD

– Елена Леопольдовна, вы закончили? – ещё раз спросила Ирина Васильевна.

– Почти. Прочитай, правильно, а то я не вижу с экрана, – обратилась ко мне Елена Леопольдовна.

Я погрузилась в чтение, кто-то позвонил в музей, Ирина Васильевна подняла трубку, кому-то рассказывала, что уходит в отпуск. Я была увлечена документом, не слушала разговор.

– Да, – я подтвердила правильность напечатанного, после чего Елена Леопольдовна отправила документы в печать.

Ирина Васильевна только успела закончить разговор и направиться к себе, как телефон снова зазвонил. На этот раз звонили главному бухгалтеру. Она принялась объяснять собеседнику, как именно нужно заполнять графы в какой-то бесконечной таблице. Тем временем Елена Леопольдовна, наконец, забрала распечатанные бумаги и неспешно поплыла в сторону кабинета директора.

Вскоре эстафету подхватила Раиса Борисовна, она кому-то позвонила и начала допытываться, как правильно проставлять коды в другом документе. Казалось, что её работа заключалась в заполнении бесконечных таблицах, и каждая из них требовала отдельного, утомительного обсуждения.

От скуки я взглянула на часы, висящие на стене недалека от стола Елены Леопольдовны, стрелки доползли до 10:45. Из-за нерасторопности Елены Леопольдовны Ирине Васильевне пришлось задержаться почти на час. Вернулась Елена Леопольдовна, с видом невероятной занятости и важности она подошла ко мне и протянула договор вместе с приказом, ожидая, что я немедленно поставлю свои подписи в документах.

– Один экземпляр остаётся тебе, другой в личное дело, – сказала Елена Леопольдовна и убрала документы в картонную папку с завязками.

– Ну что, Алина, – войдя в кабинет, с улыбкой на лице, сказала Ирина Васильевна, – добро пожаловать!

Она подошла к столу с доисторическим монитором, положила на него руку и, продолжая улыбаться, сказала:

– Вот твоё рабочее место, завтра придёшь, ознакомишься со всем.

«Самое худшее рабочее место, поэтому у вас и не было экскурсовода, и я скоро уйду» – подумала я и улыбнулась, добавив вслух:

– Хорошо.

– Пойдём, я покажу тебе залы, – сказала Ирина Васильевна, и мы вышли из кабинета. Приятно было покинуть кабинет, всё-таки неуютный он, радовало одно, я в музее ненадолго.

Мы вошли в зал природы, на стенах висели деревянные короба с бабочками, много-много бабочек, ярких и красивых. Но большее внимание привлекала карта, ей было почти сто десять лет.

– Какая интересная карта! – сказала я.

Мы подошли к карте, это была Наглядная карта европейской России 1903 года. Она почти хорошо сохранилась, по потрескавшимся линиям и отслоившейся местами бумаге было видно, что когда-то она была свёрнута в рулон.

– Жалко, что эта часть не сохранилась, – сказала я, указав на повреждённый фрагмент карты.

– Когда я пришла в музей, – начала Ирина Васильевна, – эта карта валялась в сарае. Сюда попала вода. Мы её вытащили, высушили и повесили в зале.

– Как можно было такую карту положить в сарай!? – недоумевала я, карта, действительно, интересная.

– Это надо спросить у тех, кто её туда положил. Ну, пойдём в следующий зал. Это зал археологии, здесь представлены предметы золотоордынской эпохи.

Ирина Васильевна вкратце рассказала о ключевых моментах истории города в тот период и показала самые интересные экспонаты – монеты XIII–XIV веков, город чеканил собственную монету.

Зал этнографии, зал воинской славы и зал памяти мы посмотрели быстро и вернулись в выставочный зал.

– А это выставка детской художественной школы, посвященная двухсотлетию Бородинского сражения. Здесь работы преподавателей и учащихся школы.

Мы посмотрели картины и керамику, отражающие события Отечественной войны 1812 года. Затем прошли в денежную комнату, где на стенах висели витрины с монетами и банкнотами, выпущенными в нашей стране в XIX – XX веках.

– Вот по этим залам тебе предстоит проводить экскурсии. Я думаю, ты справишься! – сказала Ирина Васильевна

и улыбнулась.

– Буду стараться, – улыбнувшись в ответ, сказала я и спросила – А где можно почитать об этих залах? Есть какая-нибудь информация?

– Да, в компьютере что-то должно быть, в папках, в архиве. Архивом заведует Елена Леопольдовна, называешь ей нужную тему, она выдаёт папку.

– Хорошо.

– Только заведи тетрадку, записывай, когда и какую папку взяла, а когда будешь возвращать, пускай Елена Леопольдовна ставит подпись.

– Как в библиотеке? – удивилась я.

– Да, как в библиотеке, – улыбнулась Ирина Васильевна, – На сегодня всё, завтра к восьми часам. Попьёшь с нами чаю?

– Нет, спасибо.

Ирина Васильевна мне сразу понравилась, да и Людмила Ивановна была приятной женщиной. А вот с Раисой Борисовной и Еленой Леопольдовной как-то сразу не задалось, от них веяло какой-то неприязнью, и тянуться к ним совсем не хотелось. Поэтому когда меня позвали на чай, я вежливо отказалась, сославшись на дела в центре занятости, и поспешила уйти.

Вечером я обрадовала маму, что устроилась на работу. Я старалась выглядеть воодушевлённой, но про свои сомнения и косые взгляды новых коллег решила промолчать. Я знала, что поддержки не дождусь. Мама наверняка нашла бы к че-

му придраться, то я оделась не так, то накрасилась слишком мрачно, то улыбалась недостаточно широко. В её глазах я всегда была «не такой», поэтому делиться с ней чем-то личным мне давно расхотелось. Зато можно было обсудить это с Женей, и до самой ночи мы переписывались в «аське», придумывая нелепицы про Раису Борисовну и Елену Леопольдовну.

ТРЕТЬЯ ГЛАВА. МУЗЕЙНЫЕ ДРЕВНОСТИ И ВРЕДНОСТИ

«Большинство чаек
не стремится узнать о полёте
ничего кроме самого необходимого:
как долететь от берега до пищи
и вернуться назад. Для большинства
чаек главное – еда, а не полет.
Больше всего на свете Джонатан
Ливингстон любил летать.
Но подобное пристрастие,
как он понял, не внушает уважения
птицам. Даже его родители были
встревожены тем, что Джонатан
целые дни проводит в одиночестве
и, занимаясь своими опытами, снова
и снова планирует над самой водой»

Ричард Бах

I

Мой первый рабочий день в музее начался с утреннего кофе. Людмила Ивановна любила собирать всех вместе и часто баловала коллектив домашней выпечкой, создавая ощущение одной большой семьи.

Когда я пришла, она и Раиса Борисовна уже хлопотали в просторной комнате, заставленной столами и стендами, разливали по чашкам ароматный напиток. Поздоровавшись, я шмыгнула в кабинет, но спрятаться не удалось.

– Алина, иди к нам, как раз чайник закипел! – окликнула меня Раиса Борисовна.

Я попыталась вежливо отказаться, сославшись на то, что не хочу, но тут в дверях появилась Людмила Ивановна:

– Пойдём-пойдём. Я пирог испекла, угощайся. Помяни мою маму, она как раз такие готовила.

Отказывать после таких слов было неудобно, и я присоединилась к ним. Елены Леопольдовны на месте ещё не было, так что мы сидели втроём. Людмила Ивановна вспоминала маму, в тот день как раз была годовщина её смерти. А вот Раиса Борисовна перевела разговор на меня и устроила настоящий допрос. Её интересовало всё, кем работают родители, как давно и почему они в разводе, какие у меня взаимоотношения с отцом, ушедшим из семьи. Я отвечала максимально сухо, коротко и не всегда честно. Я обманула её, что поддерживаю прекрасные отношения с отцом. Наши отношения стали натянутыми ещё до развода родителей. Когда мне исполнилось двенадцать лет, отец решил, что я достаточно взрослая и смогу обойтись без него, он перестал принимать какое-либо участие в моей жизни, больше напоминая соседа по коммуналке. Тогда это было большой болью, и спустя десятилетие мне всё ещё было неприятно вспоминать

о нём. Возможно, Раиса Борисовна заметила, что мне не нравится эта тема разговора, и решила ещё сильнее расковырять незажившую рану. А когда речь зашла о моей личной жизни, я промолчала про свои тайные и безответные чувства к парню из «аськи», делиться таким с малознакомыми коллегами совершенно не хотелось.

– Я слишком много была занята учёбой, пока никого не встретила, – натянув улыбку, соврала я.

– Ты на историка училась? – спросила Раиса Борисовна и взяла ещё один кусок пирога.

– Нет, на психолога.

– А что психологом не пошла работать?

– Психологом без опыта не берут.

– Ну, могли бы с испытательным сроком взять, – словно проявляя участие, сказала Раиса Борисовна и добавила, – Тебе же Ирина Васильевна сказала, что у тебя три месяца испытательный срок?

– Да, – ответила я и подумала, что уйду ещё раньше. В те дни я думала, что в течение месяца найду что-то лучше музея.

Людмила Ивановна перевела разговор на детей и внуков. Семья была её главной любовью, и она могла рассказывать о родных бесконечно, казалось, каждый день и по любому поводу. Но стоило появиться Елене Леопольдовне, как все сразу замолкали, тема детей и внуков резко закрывалась, начинался разговор ни о чём. Так было и в тот день, когда при-

шла Елена Леопольдовна, Раиса Борисовна театрально удивилась:

– Что уже девять?

– Да, – ответила Людмила Ивановна. Она угостила Елену Леопольдовну пирогом, но сразу предупредила, что мы с кофе уже закончили и разбегаемся по своим рабочим местам.

Поначалу мне казалось, что в этом коллективе я буду главным изгоем. Мы слишком не похожи друг на друга. Они казались почти идеальными, у них были крепкие семьи, дети, внуки, устоявшаяся жизнь. Я же заметно отличалась от них и по возрасту, и по социальному положению. Неформалка из неблагополучной семьи, я чувствовала себя рядом с ними чужой и лишней. Но со временем выяснилось, что изгоем в этом коллективе была вовсе не я, а Елена Леопольдовна, поэтому кофе пили и рассказывали о своих семьях без неё.

II

После того «чудесного» кофе с допросом я наконец-то добралась до своего рабочего места. На столе меня ждал антиквариат – пузатый монитор.

Я не успела опуститься на стул, как из ниоткуда появилась Елена Леопольдовна и с ходу принялась открывать ящики моего стола. От такой бесцеремонности я просто остолбенела. В школе за такие фокусы я била, никогда никому не позволяла трогать мои вещи. Но те вещи достались мне в наследство от бывшего экскурсовода, и к тому же в мои

двадцать три распускать руки уже было как-то несолидно. Тем более женщина намного старше меня. Оставалось только стоять столбом и с мрачным изумлением наблюдать за её суетливыми движениями.

Она сгребла настольный органайзер со всякой мелочью, достала оттуда ручку, карандаш, ластик и молча сунула мне в руки – мол, держи, пользуйся, щедрость невиданная. Я на автопилоте всё это взяла и даже выдавила «спасибо». Папки с бумагами во втором и третьем ящике ей были неинтересны. Зато она с победным видом утащила остатки канцелярии к своему столу.

Я положила выданные мне сокровища на стол, присела и открыла самый нижний, четвёртый ящик. Там лежал пакет, я его достала и удивилась, внутри позвякивали монеты золотоордынского периода. Я подошла к Елене Леопольдовне и предъявила находку:

– Это что такое?

– А, давай сюда! – мгновенно сориентировалась она, выхватила пакет у меня из рук и шустро упорхнула в архив.

Я вернулась за свой стол, в голове мелькнула мысль: «Нет, это не психушка, это тюрьма». Сначала мне устроили допрос с пристрастием, а потом – обыск.

«Я здесь ненадолго» – мысленно успокоила я себя и включила компьютер.

О, ужас! На нём стояла Windows XP! На компьютерах в институте и на моём ноутбуке была установлена «семёрка»,

которая мне очень нравилась.

Всё-таки, экскурсовод этого музея – изгой. Самое убогое рабочее место у экскурсовода. Старый компьютер без доступа в интернет, который надо сдать в музей, а не использовать для работы, старый тяжёлый стол, деревянный стул из 70–80-х, тоже кандидаты на место в фондах музея.

III

Я принялась изучать содержимое компьютера. В папке «Мои документы» обнаружилось несколько файлов, и я, недолго думая, открыла первый попавшийся.

Начала читать и почти сразу заскучала. Текст оказался подробным описанием русских и армянских храмов города. До чего же нудное чтиво! Автор явно переборщил с церковной терминологией, все эти «апсиды», «приделы» и бесконечные описания убранства сливались в сплошной поток букв.

Наверное, стоит сделать поправку на то, что я – атеистка. Религия для меня максимально далека, поэтому тексты, пропитанные церковным лексиконом, даются мне с огромным трудом. Если бы автор изложил всё это простым человеческим языком, без лишнего пафоса и специфических терминов, возможно, я бы даже дочитала до конца. А так, закрыла файл через пару минут, чувствуя, как начинает плавиться мозг.

Второй файл был куда интереснее – историческая справка о городе, историческая справка о городе, целиком и без из-

менений перенесённая из «Википедии». Я решила отредактировать этот текст, чтобы его было удобнее читать. Тем более времени у меня было много. Я так увлеклась работой, что к началу перерыва успела отредактировать все файлы, что были на компьютере.

Пока я занималась редактурой, в кабинете стоял какой-то странный ритм. Раиса Борисовна не выпускала телефон из рук, она совершала бесконечные звонки и обсуждала какие-то коды. Елена Леопольдовна ни минуты не сидела на месте, постоянно куда-то срывалась, что-то перекладывала, исчезала в залах. А ближе к перерыву схватила сумку, объявила: «Я на рынок» и ушла.

Я решила последовать её примеру и покинуть музей на время обеденного перерыва. Вторая волна допросов в мои планы точно не входила, поэтому я предпочла просто посидеть на лавочке и почитать.

Я вернулась в музей в 12:55, Людмила Ивановна сразу же гостеприимно предложила пообедать. Я вежливо отказалась и просто налила себе кофе.

Вообще, это первое в моей жизни рабочее место, где еде уделяют столько внимания. В музее постоянно обсуждали рецепты, хвастались кулинарными шедеврами и какими-то невероятными изысками. Слушая это всё, я в очередной раз понимала, насколько я от них отличаюсь. Кулинария – вообще не моя история, я и готовить-то не умею, и особого желания никогда не было.

Ровно в час зазвонил телефон, и Раиса Борисовна принялась с кем-то обсуждать очередные таблицы и коды. Мне не хотелось идти в кабинет, меня утомляла её бесконечная болтовня. Перерыв закончился, я не спешила за работу, наслаждалась своим кофе и слушала россказни Людмилы Ивановны о внуках, которые должны были прийти к ней после двух. Мне было это совсем неинтересно. Я бы не расстроилась, если бы они со мной общались только по рабочим вопросам, но, наверное, это что-то из области фантастики.

Я быстро допила кофе и с новыми силами вернулась к работе. Как раз Раиса Борисовна положила трубку и занялась своими таблицами. Я ещё не успела ознакомиться с папкой с интригующим названием «Мои рисунки». Я наивно надеялась откопать там исторические фотографии, старинные зарисовки древнего города и прочие полезности для музея.

Но мои ожидания с треском разбились о суровую реальность. Вместо музейных древностей на меня смотрел личный фотоальбом бывшего экскурсовода. И ладно бы рабочий процесс! Съёмка была сделана в каком-то глухом селе.

Моя предшественница оказалась симпатичной, высокой кареглазой шатенкой. А вот её муж… ну, скажем прямо, далеко не красавец. Рыжий, тощий, с такими грубыми чертами лица, будто его топором вырубили. И ладно бы там были просто портретные фото. Нет! Венец творения – фотосессия её мужа с голым торсом в ярких красных шортах. И всё это на рабочем компьютере музея! Папка «Мои рисунки» отпра-

вилась в корзину, которую я мгновенно очистила.

Поскольку в папках компьютера больше ничего не было, я перешла к папкам во втором ящике стола. Я достала серую папку под названием «Музейные уроки по абонементу». На первой странице был написан состав папки – пять тем по истории и краеведению. Я начала читать первую тему, посвящённую древним народам, когда-то населявшим эти земли.

Тут с рынка вернулась Елена Леопольдовна и с порога объявила, что купила хорошее свежее мясо у проверенной продавщицы. «И эта туда же, о еде!» – пронеслось в голове. Она опоздала с обеда на полчаса, сначала я думала, что это её нормальный рабочий график. Но позже, выяснилось, что она просто каждый раз надолго застревает на рынке. Слушать про её гастрономические успехи мне было абсолютно неинтересно, и я с облегчением вернулась обратно к чтению.

Елена Леопольдовна, как и утром, ходила по музею, из одного зала в другой или во двор. Закончив похождения, она вернулась в кабинет.

– Это что? – возмущённым тоном спросила она, уставившись на меня, она держала двумя пальцами английскую булавку и недовольно смотрела на меня.

– Английская булавка, – спокойно ответила я.

– Откуда она здесь? – она чуть повысила тон, и её лицо мгновенно преобразилось. Глаза округлились до невероятных размеров, брови взлетели вверх, сложившись в «домик», а лоб прорезали глубокие, нервные морщины-гармошки.

Она смотрела на меня с таким видом, словно именно я, с дьявольской усмешкой, подкралась к её стулу и воткнула туда булавку. Она демонстративно завернула её в бумагу и выбросила в урну и вышла из кабинета.

– Вот больная! – сказала Раиса Борисовна.

Я не сразу поняла, кому это было адресовано, я ещё пребывала в лёгком шоке от происходящего. Елена Леопольдовна вернулась в кабинет, забрала урну и снова куда-то ушла. Зазвонил телефон, снова звонили Раисе Борисовне. Я вернулась к чтению о древних народах.

Но после выходки Елены Леопольдовны на душе был неприятный осадок. Она повела себя как-то по-детски. Наверное, это наивно, но мне всегда казалось, что с возрастом, тем более на пенсии, люди перерастают всю эту мелочность, что зрелость обязательно идёт рука об руку с мудростью. А оказалось, нет, паспортный возраст вообще ничего не гарантирует.

Из-за этого я не могла нормально сосредоточиться на статье. Читала абзац, улетала мыслями к этой ситуации, возвращалась назад, и так по кругу, гоняла одно и то же предложение раз пять. Ужасно раздражает, когда чужая глупость вот так вторгается в мой личный мир и портит настроение.

Она вернулась, поставила пустую урну на место и, наконец, села за свой стол. Тем временем, Раиса Борисовна, положила в папку бумаги, сказала, что пошла в администрацию, и вышла из кабинета. Мне не хотелось оставаться с Еленой

Леопольдовной наедине, хотя они обе сразу невзлюбили меня. Елена Леопольдовна открыто проявляла свою неприязнь, а Раиса Борисовна делала подлости за спиной.

IV

Я взяла блокнот и ушла в экспозиционные залы. Познакомившись с содержимым моего рабочего компьютера, я решила самостоятельно заняться поиском информации о музейных предметах и их исторических периодах.

Первым делом я зашла в зал природы, напоминающий кладбище. Вдоль стен тянулись витрины с застывшими в вечности бабочками, а в таксидермических коробах замерли чучела животных. Под огромной картой, словно забытые временем, лежали кости существ, вымерших миллионы лет назад. И всё же, несмотря на эту атмосферу, зал не казался отталкивающим. Напротив, именно эта старая карта на стене придавала залу природы какую-то особую, почти мистическую изюминку, превращая его в портал в совсем другой мир.

Я записала в блокнот названия бабочек и птиц, о них можно почитать в интернете, а вот кости под картой оказались неподписанными. Название и год издания карты тоже были внесены в блокнот. Я подошла поближе к карте и стала рассматривать её. Наш город не был отмечен на этой карте, на его месте изобразили кисть винограда. В тот момент я ещё не знала, когда и как был основан город. Конечно, я учила

об этом в школе, но тогда история края мне была настолько неинтересна, что я ничего не запомнила. Мой взгляд упал на древние кости, лежащие под картой. К моему удивлению они лежали не под стеклом, каждый любопытный посетитель мог их потрогать при желании, уличив момент, когда смотритель отвернётся. Кости лежали на чём-то, похожем на тумбу, а между ними лежали скрученные листья искусственных папоротников. Я постояла ещё немного возле карты и перешла в зал археологии.

Справа от входа стояла витрина с песком, в которой лежал человеческий череп, а рядом с ним мёртвый тарантул. На витрине стояла картонная карточка с записанной легендой о том, что самый крупный золотоордынский город на Северном Кавказе погиб от нашествия тарантулов. Двигаясь по залу против часовой стрелки (в музее все экспозиции размещены против часовой стрелки), я оказалась перед надгробными плитами с высеченными цветочными орнаментами и арабской вязью. Ещё один зал – кладбище. *Готично!*

Я записывала в блокнот названия предметов, которые были подписаны, – кирпичи, каменные плиты, фрагменты надгробий, керамическая посуда. Спустя семьсот лет посуда сохранилась лишь в виде каких-то отдельных фрагментов, зато хорошо сохранились глазурь и орнамент. Рассматривая фрагменты посуды, я вспомнила, как в детстве с сестрой и соседской девочкой мы лепили из глины посуду, только не обжигали её. Нам нравилось создавать что-то необычное,

что-то уникальное. Необожжённая, нераскрашенная посуда казалась мне какой-то незавершённой, мне всегда хотелось её покрасить.

В следующей витрине лежали каменные и стеклянные бусы. И всё бы ничего, но их зачем-то вывалили прямо на песок. Это дизайнерское решение вызвало у меня только недоумение. Сами конструкции выглядят грубо и неаккуратно – «хендмейд» в худшем проявлении. В сочетании с песком всё это смотрится не как продуманная инсталляция, а как небрежная попытка добавить «атмосферы», которая в итоге только портит вид самих украшений.

Один из самых любопытных экспонатов – макет города, созданный руками бывшего сотрудника музея. Это очень кропотливая работа, автор вручную вылепливал кирпичики, подбирал деревянные дощечки и кусочки кафеля, чтобы воссоздать облик мечетей и мавзолеев. Безусловно, для своего времени – эпохи 90-х – это был интересный проект. Однако к 2012 году музейная эстетика шагнула далеко вперед, и этот макет стал восприниматься скорее как артефакт прошлого, чем как современное визуальное решение.

Я покинула зал археологии и оказалась в зале этнографии. Если до этого я бродила среди безмолвных свидетелей древности, где царила тяжёлая, почти кладбищенская тишина, то здесь меня встретил хаос, больше напоминающий запущенный чердак, сарай или барахолку.

Вместо продуманной экспозиции нагромождение быта.

По периметру, на низких подиумах, вперемешку выставлены медные котлы, глиняные кувшины и сельскохозяйственные орудия. Рядом с ними соседствуют амбарные замки, тяжёлые дверные петли, засовы и старые рубанки. Всё это выглядит так, будто вещи просто выгребли из сарая и кое-как расставили по углам. В этой экспозиции не было никакой логики, никакой истории, лишь случайный набор железок и керамики.

В самом центре зала макет русской печи. Она заставлена угольными утюгами, чугунками и прочей кухонной утварью, отчего всё пространство кажется не музейным залом, а декорацией к фильму о жизни забытой всеми деревни.

Моё внимание привлекли керосиновые лампы, стоящие на печи, на той её части, которую называют лежанкой. Керосиновые лампы и свечи напоминают мне детство в опалённом войной Грозном. В те годы в Грозном не было электричества, и в нашей квартире вечерами зажигали керосиновые лампы и свечи. При их тусклом свете я умудрялась что-то рисовать, чаще всего девочек, живущих в самом лучшем из миров, там, где нет войны, там, где всегда светит солнце, цветут цветы, над которыми летают бабочки. Рассматривая керосиновые лампы, я поймала себя на мысли, что годы первой чеченской войны были самыми лучшими в моей жизни.

Как и в предыдущих залах, я продолжала делать пометки в блокноте. Увлечённая процессом, я даже не заметила, как пришла Елена Леопольдовна. Она смерила меня недоволь-

ным взглядом и бросила:

– Ты что, топооописи делаешь?

Я лишь отрицательно качнула головой, не прекращая писать. Тогда я понятия не имела, что такое «топоопись», в музейном деле я была абсолютным профаном. Меня долго не отпускало странное чувство, как меня вообще взяли туда, где я полный ноль.

– Зачем ты это пишешь? – снова спросила Елена Леопольдовна.

– Надо для экскурсий, – ответила я и перешла в зал воинской славы. Она направилась за мной.

На удивление в этом самом маленьком зале было больше порядка и логики, чем в предыдущем. Я остановилась около стенда с фотографиями ветеранов Великой Отечественной войны. Под ними было описание боевого пути и подвигов участников войны. Елена Леопольдовна принялась мне рассказывать о них. Он показала на фотографию, на которой запечатлены два мужчины в военной форме:

– Это два брата, они прошли всю войну, встретились в Берлине, а это семья, из которой семеро сыновей ушли на войну, – показала она на фотографии на другом стенде.

– Они все пришли с войны? – спросила я.

– Нет, двое погибли, вот на фотографии шесть братьев, какой это год, без очков не вижу?

– 1956-ой, – вслух прочитала я.

– В 1956-ом шестеро братьев встретились. Вот этот са-

мый младший брат, он не был ребёнком, не воевал. Он живёт в нашем городе, иногда приходит в музей, смотрит на этот стенд.

Она рассказала мне о каждом ветеране, чьи фотографии или личные вещи были представлены в зале. В следующем зале она рассказала о теракте, совершенном в городе в 1995 году. В этом зале были личные вещи очевидцев событий и горожан, погибших в те дни. Странно, без Раисы Борисовны она была вполне нормальной. Или ей просто нравилось рассказывать о музейных экспонатах и их дарителях.

V

Дорога к маме давала время подумать, и мысли неизбежно возвращались к музею. Первый рабочий день меня разочаровал. Коллеги смотрели на меня с каким-то холодным скепсисом, а я, в свою очередь, не видела в них людей, с которыми хотелось бы хотя бы перекинуться парой слов. Мы были как люди из разных миров, которым нечего сказать друг другу. Меня не покидало чувство «лишнего человека», но я нашла способ с ним справиться. «Я здесь ненадолго», – напоминала я себе, и это делало всё происходящее вокруг почти неважным.

– Как прошёл первый рабочий день? – спросила мама за ужином.

– Скучно, – сухо ответила я.

– Как коллеги? – мама продолжала расспросы.

– Они все уже на пенсии, несут какую-то дичь про своих мужей, детей, внуков, обсуждают жрачку… – я хотела сказать, что я там лишняя, но мама меня перебила.

– Это жизненно! Все обсуждают свои семьи и рецепты блюд.

– Мне это неинтересно, это тупо! – возразила я и подумала, что надо бы сменить тему.

– Тебе все тупые, – упрекнула мама, она явно не хотела прекращать этот бессмысленный спор.

– Рассказывать в какой комнате

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.